

НЕКРОПОЛЬ: ИГРА В ГЕРОЕВ

КЛАЙ ТАБЕР

Клай Табер

Некрополь. Игра в героев

«Автор»

2026

Табер К.

Некрополь. Игра в героев / К. Табер — «Автор», 2026

Он был их учителем. Их наставником. Их главной ошибкой. В мире, где герои сражаются с тьмой, а злодеи пафосно гибнут под ударами мечей, Морвен — необычный злодей. Он не прячется в башнях, не собирает армии тьмы и не произносит громких монологов. Но его игра — не просто обман. Это изощренный спектакль, где... Герои верят, что охотятся на легендарного некроманта, не подозревая, что он ведет их за руку. Некрополь — не просто логово зла, а корпорация, где апокалипсис — это бизнес, а монстры — наемные актеры. Правда — лишь еще один слой лжи, а финальный урок Морвена оставит его учеников сломленными, преданными или... мертвыми. Нет благородных героев — только жертвы чужого сценария. Нет эпичных битв — только холодный расчет и театр абсурда. Нет хэппи-энда — только ирония, предательство и тени прошлого, которые не отпускают даже после смерти. Добро пожаловать в мир, где зло не просто побеждает — оно преподает вам урок. И платить за него придется душами.

© Табер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Искусство уходить по-английски, когда ты бессмертен	5
Глава 2. Проклятие дверного проёма и искусство делегирования	7
Глава 3. Солнечный ожог и социофобия для начинающих	9
Глава 4. Гастрономический шок и баллада о клевете	11
Глава 5. Призрак с ОКР и демократия в огне	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Клай Табер

Некрополь. Игра в героев

Глава 1. Искусство уходить по-английски, когда ты бессмертен

Знаете, в чём главная проблема вечной жизни? Нет, не в том, что ты теряешь близких. Все мои близкие давно здесь, со мной. Кто-то в виде пыли в урне, кто-то шаркает по коридору, пытаюсь вспомнить, как открывается дверь. Проблема в другом. В скуке. В той вязкой, тягучей, как могильная плесень, скуке, когда ты точно знаешь, что будет завтра. А завтра будет то же самое, что и вчера: сырость, сквозняк и идиоты.

Я сидел на своём троне. Звучит пафосно, правда? «Трон Некроманта». На деле это было чертовски неудобное кресло из базальта, от которого у меня вечно ломило поясницу. Хотя, казалось бы, чему там ломить, если я давно прогнал магией любые недуги? Видимо, фантомные боли совести. Или просто радикулит – единственное, что магия смерти не лечит.

– Кхм-кхм.

Звук напоминал скрежет вилкой по стеклу. Я открыл один глаз. Перед тронном стоял Скункрот. Выглядел он, как всегда, отвратительно: клубень с лапками, который кто-то пожевал и выплюнул. Его черно-белый хвост дергался в нервном тике, а вокруг распространялось амбре, способное поднять мертвеца без всяких заклинаний.

– Чего тебе, корнеплод недогнивший? – лениво спросил я.

– Босс, там зомби опять застряли в текстурах реальности. Ну, в смысле, в стене. Трое. Головами.

– И?

– И они спорят.

Я вздохнул. Глубоко, театрально, так, чтобы даже факелы на стенах притухли.

– О чём могут спорить куски мяса без мозга, Скункрот?

– О геополитике, босс. И о том, чья нога вкуснее.

Вот оно. Момент истины. Тот самый щелчок тумблера в голове, который отделяет «ещё один плохой день» от «пошло оно всё к чертям собачьим». Я триста лет строил этот Некрополь. Я возводил шпили до небес, я плел интриги с демонами, я собирал коллекцию самых жутких тварей этого мира. И ради чего? Чтобы решать споры зомби о вкусовых качествах гнилых конечностей?

Я встал. Колени хрустнули так, что эхо разнеслось по тронному залу.

– Всё, – сказал я в пустоту.

К моей ноге тут же прижалось что-то жесткое и гремящее. Костяная Куропатка. Моё лучшее творение, если судить по уровню искренности. Она потерлась черепом о мой сапог и издала звук, похожий на «кляц-кляц-хррр». Она пыталась мурлыкать. Бедная птица думала, что она кот. Я почесал её по позвоночнику.

– Я ухожу, – сообщил я Куропатке.

Она наклонила голову набок, и из глазницы вывалился маленький камешек.

– Куда? – голос раздался откуда-то с потолка.

Потусторонний Шут висел вниз головой, зацепившись ногами за люстру из человеческих ребер. Его маска-улыбка, как всегда, бесила своей неизменностью.

– Туда, где нет плесени и вас, – честно ответил я. – В отпуск. Бессрочный.

Шут спрыгнул вниз, приземлившись абсолютно беззвучно, и тут же начал жонглировать тремя собственными пальцами, которые с легкостью отстегнул.

– О, драма! Трагедия! Король Лир бросает своё королевство! Зрители в шоке, занавес горит, актеры забыли текст! А кто будет кормить упырей? Кто будет подписывать накладные на поставку свежих трупов?

– Ты, – я ткнул в него пальцем. – Или Скункрот. Или бросьте жребий. Мне плевать.

Я направился к выходу. Мои шаги гулко отдавались в огромном зале. Ощущение было странным. Я ожидал... не знаю, грома? Молний? Что сам Некрополь взвоят, не желая отпустить хозяина? Вместо этого из темного угла выполз Морглинг. Мелкий, зеленый, липкий. Он смотрел на меня своими водянистыми глазами и жевал край собственного уха.

– Ты что-то забыл, хозяин? – проскрипел он.

– Нет, Морглинг. На этот раз я пытаюсь забыть. Всё это.

– Забыть – это вкусно, – облизнулся он. – Я могу помочь. Дай мне кусочек памяти? Ну, тот, где ты первый раз воскресил крысу, и она взорвалась?

Я прошел мимо, даже не удостоив его пинком. Внутри нарастало странное, пьянящее чувство. Свобода. Она пахла не ладаном и не серой, а пыльной дорогой и дешевым элем.

В коридоре, у самых выходных врат, дорогу мне преградило тусклое свечение. Червь Бездны. Он занимал почти весь проход, пульсируя, как гигантская вена.

– Уходишь... – его голос звучал не в ушах, а сразу в мозжечке, вызывая легкую тошноту.

– Но каждое ухождение есть прихождение, Морвен. Покидая склеп, тыходишь в склеп мира. Ибо весь мир – суть могила, а мы в ней лишь опарыши...

– Слушай, философ хренов, – перебил я его, поправляя сумку на плече.

– Сдвинь свою философскую задницу в сторону.

Червь медленно, с осуждающим ворчанием, пополз влево.

Я толкнул тяжелые дубовые двери. Ржавые петли взвыли в последний раз. В лицо ударил яркий, нестерпимо живой солнечный свет. Он резал глаза, привыкшие к полумраку подземелий. Пахло травой, навозом и жизнью. Отвратительно. Восхитительно.

Я обернулся. В темноте дверного проема стояла моя «свита». Скункрот чесал задницу. Шут махал оторванной кистью. Куропатка пыталась взлететь, но только смешно подпрыгивала. А Морглинг уже доедал воспоминание о том, как я только что с ними попрощался.

– Не спалите хату, – бросил я им на прощание.

И закрыл дверь. Снаружи.

Тишина навалилась на меня, но это была другая тишина. Не мертвая. В кустах что-то стрекотало, где-то вдалеке мычала корова. Я сделал первый шаг по тропинке, ведущей прочь от моего величественного, мрачного, насквозь прогнившего дома.

Теперь я был просто Морвен. Турист. Безработный. И, кажется, впервые за триста лет, абсолютно счастливый идиот.

Только вот я не учел одного.

Дверь за моей спиной тихо скрипнула. Я замер. Послышалось знакомое «кляц-кляц-хррр», шлепанье мокрых лап и запах... о боги, этот запах.

Я не обернулся. Я просто ускорил шаг. Но топот множества ножек, лапок и ложноножек за спиной становился всё громче.

– Босс! – донесся жизнерадостный вопль Шута. – Мы посоветались и решили! Демократия – сила! Мы идем с тобой!

Я закрыл глаза и застонал. Черная комедия только начиналась.

Глава 2. Проклятие дверного проёма и искусство делегирования

Я остановился. Резко. Эффектно. Так останавливаются главные злодеи перед тем, как испепелить деревню, но в моем случае пыль поднял только мои сапог.

– Стоять, – рявкнул я.

Процессия замерла. Скункрот врезался носом в мою ногу, Морглинг споткнулся о собственный хвост, а Потусторонний Шут повис в воздухе в позе мыслителя, опираясь подбородком на невидимую трость.

– Куда? – спросил я ласково, тоном, которым обычно сообщают о неизлечимых проклятиях. – Куда вы, мои маленькие, гниющие, бесполезные спиногрызы, собрались?

– В мир! – патетично воскликнул Шут, разбрасывая конфетти из праха чьей-то бабушки. – Нести хаос! Смех! И, возможно, чуму, если Скункрот не перестанет есть свои корни!

– Ага, – поддакнул Скункрот, выпустив облачко желтоватого пара. – Мы команда. Ты – мозг, мы – мышцы. Ну, или то, что их заменяет.

Я посмотрел на них. На Костяную Куропатку, которая пыталась склевать жука, но клюв проходил сквозь хитин, не причиняя вреда. На Червя Бездны, который застрял – буквально застрял – в гигантском дверном проеме. Его жирные бока сжались, и он выглядел как перетянутая сарделька, светящаяся от негодования.

– Я застрял в узости бытия... – пробасил Червь, вибрируя всем телом. – Проход слишком мал для величия моей пустоты.

– Вот именно! – я хлопнул в ладоши, чувствуя прилив вдохновения отчаяния. – Вы не можете пойти со мной.

– Почему? – хором спросили Морглинг и Шут. Шут при этом изобразил на лице плачущую маску.

– Потому что это... – я лихорадочно искал оправдание. – Потому что это секретная миссия. Разведывательная операция. Я иду в тыл врага. В мир Живых. Там солнце, налоги и ипотека. Вы не выживете. Вас пустят на удобрения или в цирк уродов в первом же селе.

– Я люблю цирк, – мечтательно сказал Шут.

– Нет! – отрезал я. – Слушайте мой приказ. Вы остаетесь здесь. За главных.

Тишина. Даже сверчки в кустах заткнулись, чувствуя важность момента.

– За... главных? – переспросил Скункрот, и его глазки-бусинки хищно сузились.

– Именно. Я оставляю Некрополь на вас. Кто-то должен следить, чтобы пыль лежала ровно. Чтобы зомби не разбрелись. Чтобы герои-мародёры не украли мой любимый сервиз из черепов гоблинов. Это ответственная задача. Критически важная.

Я врал так вдохновенно, как не врал даже демонам при заключении контрактов.

– Я назначаю вас Советом Хранителей, – торжественно провозгласил я, воздевая руки к небу (солнце тут же ударило мне в глаза, и пафос был слегка смазан моим чиханием). – Скункрот – Министр Оборона и Вонючих Газов. Шут – Министр... Культуры и Развлечений. Морглинг – Хранитель Архивов, только, ради Тьмы, не сожри инвентарные книги!

– А я? – телепатически обиделся Червь, всё ещё дергаясь в проходе.

– А ты – Фундамент. Опора общества. Буквально, потому что ты сейчас, кажется, держишь на себе арку, которая вот-вот рухнет.

Я видел, как в их маленьких, извращенных сознаниях (или в том, что их заменяло) загорается искра тщеславия. Власть. Сладкое слово даже для мертвых.

– Мы не подведем, босс, – Скункрот выпрямился, став на пару сантиметров выше. – Ни одна живая тварь не пройдет. Ну, кроме крыс. Крысы – свои.

– Отлично. А теперь – марш внутрь! – я сделал пасс рукой.

Червь с влажным чпоканием втянулся обратно в темноту коридора, увлекая за собой пару камней облицовки. Куропатка, грустно звеня костями, посеменила следом. Шут сделал сальто назад, исчезая во мраке, но его смех остался висеть в воздухе ещё секунду.

Как только последний хвост Скункрота скрылся в тени, я захлопнул створки врат.

На этот раз я не просто закрыл их. Я достал из кармана мел из толченого драконьего зуба и начертил на дереве руну «Заперто-наглухо-для-всех-кто-внутри». Древесина зашипела, впитывая магию. Теперь оттуда не выберется даже привидение с клаустрофобией.

– Свобода... – выдохнул я.

Я стоял посреди дороги. Один. Ветер шевелил полы мантии. Впервые за триста лет никто не ныл над ухом, не вонял и не пытался съесть мою память.

Я поправил ляжку сумки и зашагал прочь. Но далеко уйти мне не удалось. Привычка – страшная сила. Пройдя с полкилометра до ближайшего холма, я сел на траву (которая тут же пожухла под моим задом – профессиональная деформация ауры) и достал из кармана Око Наблюдения.

Это был небольшой, отполированный до блеска обсидиановый шар. Вообще-то, он предназначался для шпионажа за вражескими королевствами. Но сейчас...

Я провел ладонью над шаром. Поверхность затуманилась, а затем показала изображение. Чёткое, как в 4К, только в черно-зеленых тонах магии смерти.

Внутри Некрополя царил хаос. Скункрот уже сидел на моем троне. Он был слишком мал для него, поэтому выглядел как грязная картофелина на бархатной подушке. Шут напялил на статую моего прадеда (великого Лича, между прочим) розовый колпак. Морглинг ел ковёр.

– Идиоты, – с нежностью прошептал я. – Законченные идиоты.

На душе стало удивительно спокойно. Мой дом был в надежных лапах безумия. Теперь я мог идти куда глаза глядят, зная, что за спиной остался надёжный тыл, который гарантированно развалит всё, что можно развалить, без моего участия.

Я убрал шар в карман, встал и посмотрел на дорогу, змеящуюся среди зеленых холмов. Где-то там, впереди, были люди. Таверны. Жизнь.

– Ну, держись, мир Живых, – усмехнулся я. – К тебе идёт турист со стажем в три вечности.

Я сделал шаг. И тут же наступил в коровью лепешку. – Начало многообещающее, – констатировал я, вытирая сапог о траву. – Очень органичное.

Глава 3. Солнечный ожог и социофобия для начинающих

Первые полчаса свободы прошли в борьбе с природой. Природа побеждала.

Выяснилось, что мир Живых – это очень шумное место. Птицы не просто пели, они орали, как будто их резали, причем без наркоза. Кузнечики стрекотали с громкостью циркулярной пилы. А солнце... О, эта проклятая раскаленная лампочка в небе. Через двадцать минут моя кожа, привыкшая к благородной могильной бледности, начала чесаться. Я натянул капюшон на самый нос, став похожим на палача в отпуске.

– Так, – пробормотал я, перешагивая через ручей (вода была мокрой и холодной, кто бы мог подумать). – Мне нужны люди. Мне нужна цивилизация. Мне нужно пиво.

Дорога вильнула, и за поворотом показалась повозка.

На козлах сидел дед. Настолько древний, что я почти рефлекторно потянулся к своей магии, чтобы проверить, не зомби ли он. Нет, аура была тусклая, но живая. Старик жевал травинку и лениво стегал по крупу полудохлую клячу. В телеге горой лежала репа.

Отлично. Мой первый социальный контакт. Я откашлялся, вспоминая уроки этикета трехсотлетней давности.

– Приветствую тебя, о смертный червь, коротающий свой тленный век в трудах праведных! – гаркнул я, стараясь выглядеть внушительно, но дружелюбно.

Кляча встала как вкопанная. Дед медленно повернул голову. Его глаза были мутными, как вода в болоте.

– Чаво? – спросил он.

Я мысленно ударил себя по лбу. Слишком пафосно. Надо проще. Я же турист.

– Я говорю... добрый день, уважаемый, – я попытался улыбнуться. Мышцы лица, отвыкшие от таких гримас, свело судорогой. – Не подскажете ли путнику, где здесь ближайший очаг цивилизации с алкогольным уклоном?

Дед сплюнул травинку.

– Ты с театра, что ль?

– В некотором роде, – уклончиво ответил я. – Мой театр сторел. А труппа... э-э-э... распалась. На части. Буквально.

– А-а, – протянул дед, явно ничего не поняв, но решив не связываться. – Ну, дык это... Деревня Нижние Грязи. Вон за тем холмом. Там у трактирщика Эльдара пиво есть. Разбавленное, правда, мочой, но хмельное.

– Звучит как амброзия, – кивнул я. – Благодарю.

Я полез в кошель. Нашупал монету. Это был золотой дукат эпохи Империи Черепов. На одной стороне был профиль Императора-Лича, на другой – надпись «Смерть неизбежна, налоги тоже». Я протянул монету деду.

– Это за беспокойство.

Старик взял монету, прищурился, попробовал её на зуб.

– Зуб сломаешь, – предупредил я. – Это золото прочнее твоих костей.

– Годится, – буркнул он, не задавая лишних вопросов о том, почему на деньгах изображен скелет в короне. Видимо, инфляция в этом мире была страшнее любой некромантии.

Он хлестнул лошадь, и телега со скрипом покатила дальше, оставив меня в облаке пыли.

– Контакт установлен, – поздравил я сам себя. – Жертв нет. Никто не проклят. Я делаю успехи.

Пока я шел к холму, меня грызло любопытство. Как там мои идиоты? Я знал, что не должен смотреть. Я знал, что это навредит моей психике. Но рука сама потянулась к Оку Наблюдения.

Я нырнул в кусты (подальше от дороги, чтобы не пугать прохожих светящимся шаром) и активировал связь.

Изображение дернулось и сфокусировалось на Тронном Зале.

– О, Темные Боги... – вырвалось у меня.

В зале происходил митинг. Натуральный митинг. С транспорантами.

Скункрот стоял на возвышении из сложенных костей. Перед ним толпилась сотня моих зомби. Обычно они просто стояли и пялились в стену, но сейчас кто-то (явно Шут) всучил им в руки плакаты.

На плакатах было накарябано чем-то бурым (надеюсь, грязью): «МОЗГИ – ЭТО ПРИВИЛЕГИЯ!» «ТРЕБУЕМ СВЕЖИХ ТЕЛ!» «НЕТ ТРУПНОМУ ОКОЧЕНЕНИЮ!»

Призраки летали под потолком, образуя воронку.

– Товарищи мертвецы! – визжал Скункрот. – Тиран ушел! Морвен бросил нас на произвол судьбы! Нас эксплуатировали веками! Кто заставлял вас мыть полы своими же оторванными руками? Он!

Толпа зомби одобрительно промычала: «Уууээээ...»

– Теперь мы – самоуправляемая коммуна! – провозгласил Скункрот. – Я объявляю пятилетку разложения за три года!

– А я, – влез в кадр Потусторонний Шут, на котором теперь была мантия судьи, сшитая из штор, – объявляю закон о всеобщей гравитации недействительным по вторникам!

В углу экрана Меланхоличный Червь Бездны пытался прогрызть дыру в пространстве, бормоча, что «социальная справедливость – это тоже вид энтропии».

Я сжал шар так, что пальцы побелели.

– Они устраивают профсоюз, – прошептал я. – Моя нежить устраивает профсоюз.

Мне захотелось вернуться и испепелить их всех. Но я вспомнил деда с репой. Вспомнил обещание разбавленного пива.

– Нет, – твердо сказал я шару. – Разбирайтесь сами. Хоть революцию устраивайте. Я в отпуске.

Я убрал шар, вылез из кустов и решительно зашагал к деревне Нижние Грязи. На душе было скверно, но мысль о том, что Скункроту скоро придется объяснять зомби, что «свежих тел» в меню не предвидится, грела меня своим злорадством.

Впереди показались покосившиеся крыши деревни. Пахло дымом, навозом и жареным луком. Для кого-то – запах бедности. Для меня – аромат приключений.

Я поправил капюшон, принял максимально загадочный вид и вошел в Нижние Грязи, стараясь не наступать на кур.

Глава 4. Гастрономический шок и баллада о клевете

Трактир назывался «Сытый Хряк». Судя по вывеске, на которой была изображена свинья с явными признаками алкогольного делирия, хряка поили насильно.

Я толкнул дверь. В нос ударил букет ароматов, который заставил бы моего Скункрота покраснеть от зависти: прокисшее пиво, жареный лук, немытые тела и легкая нотка отчаяния. В углу кто-то храпел, кто-то рыгал, а группа мужиков с лицами, вырубленными из полена тупым топором, играла в кости.

Я выбрал самый темный угол, подальше от камина (ненавижу открытый огонь, он портит цвет мантии) и сел за стол. Столешница была липкой. Настолько, что я испугался, не приклеюсь ли я к ней рукавом навечно, став местной достопримечательностью.

Подошел трактирщик. Тот самый Эльдар, о котором говорил дед. Огромный, с мясистым носом и фартуком, который, казалось, не стирали со времен основания деревни.

– Чего желает господин в капюшоне? – буркнул он, вытирая руки о фартук, что только усугубило ситуацию с гигиеной.

– Пива, – сказал я, стараясь говорить как простой смертный. – И чего-нибудь пожевать. Только чтобы это «что-нибудь» не убежало с тарелки.

– Рагу из кролика, – кивнул Эльдар. – Свежее. Вчера еще бегало.

– Надеюсь, не от повара, – пробормотал я.

Через пять минут передо мной стояла кружка с мутной жижей и миска с серым месивом. Я осторожно понюхал пиво. Пахло дрожжами и старой обувью. Я сделал глоток. Вкус был... запоминающийся. словно кто-то выжал половую тряпку в ведро с водой и добавил спирта.

– Изумительно, – прошептал я, чувствуя, как мой желудок, отвыкший от органической пищи за столетия магического поста, сжимается в ужасе. – Это и есть «жизнь»?

Я попробовал рагу. Мясо было жестким, как подошва моих сапог, но, по крайней мере, оно не шевелилось. Я жевал и с тоской вспоминал свои банкеты в Некрополе: прозрачное вино, эфирные пирожные... Скука, конечно, но хотя бы гастрит не грозил.

Чтобы отвлечься от вкусовых ощущений, я огляделся. Народ пил, шумел. Обычные люди. Живые, теплые, глупые. У них были свои мелкие проблемы: урожай, жены, долги. Они не думали о вечности, о тщетности бытия или о том, куда девать три тонны костей после неудачного ритуала. Я почти начал им завидовать.

Но тут в центр зала вышел бард.

Худой парень с лютней, которая видела лучшие времена, и голосом, который, вероятно, использовали для пыток в соседнем графстве. Он ударил по струнам (одна лопнула с жалобным звоном) и завыл:

«Ой, во мраке, где не светят звезды, Живет злодей, чей взгляд остер и грозен! Морвен Темный, пожиратель душ, Он младенцев ест на завтрак, словно груш!»

Я поперхнулся пивом. Жижя пошла носом. Младенцев? На завтрак? Да я терпеть не могу детей! Они крикливые и липкие. Я вообще вегетарианец последние пятьдесят лет, если не считать рагу из кролика, которое я сейчас пытаюсь проглотить!

Бард продолжал надрываться:

«У него рога и хвост змеиный, И запах серы, словно из кабины! Он дев крадет и в башне запирает, А после... кхм... их страшно пожирает!»

– Ложь! – громче, чем следовало, процедил я.

Соседний столик обернулся.

– Чего? – спросил один из мужиков.

– Я говорю... рифма хромает, – быстро нашелся я, понизив голос. – «Запирает» и «пожирает» – это банально. И про рога – художественное преувеличение.

Бард закончил куплет тем, что «герой придет и меч в него воткнет, и кишки злодея на кулак наматывает». Публика, судя по всему, фанатела от анатомических подробностей. Все захлопали.

Мне стало обидно. Я, значит, сижу здесь, давлюсь этим пойлом, никого не трогаю, а про меня сочиняют такие гадости. «Кишки на кулак». Варварство. У нас в Некрополе и то культурнее.

Пока бард собирал медяки, я решил проверить, как там мои «культурные» наследники. Я прикрылся полой плаща и достал шар.

Экран засветился мутно-зеленым.

Изображение было странным. Камера (или точка обзора) тряслась. На экране мелькали коридоры. Потом появился крупный план. Это был глаз Моргалинга.

– ... И мы ведем наш репортаж с места событий! – верещал за кадром голос Шута. – Сегодня в Некрополе проходят первые демократические выборы Верховного Диктатора!

Камера отъехала. Зал Совета. На трибуне стояла Костяная Куропатка. На ней была треуголка из газеты. Рядом стоял Червь Бездны, который пытался выглядеть презентабельно, но все равно напоминал гигантскую светящуюся кишку.

– Кандидат номер один – Куропатка! – орал Шут. – Ее программа: «Зерно каждому скелету» и «Нет супу». – Кляц-кляц! – подтвердила Куропатка и снесла яйцо. Каменное. Прямо на трибуну.

– Кандидат номер два – Червь Бездны! Его лозунг: «Мы все умрем еще раз, но медленно!» – Энтропия... неизбежна... как и мои налоги... – прогудел Червь.

– И наконец, самовыдвиженец – Скункрот! – объявил Шут.

Скункрот выкатился на сцену в моей парадной мантии. Она волочилась за ним шлейфом на пять метров. – Граждане нежить! – запищал он. – Если вы выберете меня, я обещаю перекрасить стены в веселенький фиолетовый! И разрешу пугать крестьян по выходным!

Толпа зомби одобрительно заревела. Кто-то кинул в Червя оторванной рукой. Началась драка.

– Прекрасно, – прошептал я в шар. – Просто великолепно. У них там политический кризис и гражданская война через три минуты.

Я спрятал шар. Настроение испортилось окончательно. Я чувствовал себя родителем, который ушел в магазин за хлебом, а дети подожгли дом и продали собаку цыганам.

Надо было что-то делать. Или напиться до беспамятства, или...

– Эй, странник! – ко мне подсел тот самый мужик, что слушал мои комментарии о рифме. От него пахло чесноком и дешевым табаком. – Ты, видать, грамотный? Раз про рифмы кумекаешь.

– Допустим, – насторожился я. – Грамотность нынче не преступление.

Мужик прищурился, огляделся по сторонам, словно собирался продать мне краденую курицу, и наклонился через стол. Волна чесночного духа стала почти осязаемой.

– Да брось ты, мил человек, – зашептал он. – Какая грамотность? Я ж видел.

– Что видел? – рука под столом начала сплетать заклинание Молчания, на всякий случай.

– Свет, – он ткнул грязным пальцем мне в грудь, туда, где под мантией лежал шар. – У тебя там под тряпками зеленью полыхало, когда ты в угол пялился. И бормотал ты не молитвы, а что-то про «идиотов» и «разложение». Я таких слов в церкви не слышал.

Я медленно убрал руку от шара. Конспиратор из меня, видимо, был как из зомби балерина.

– А еще, – мужик кивнул на мою кружку, – пиво твоё.

Я опустил взгляд. Жидкость в кружке подернулась тонкой коркой льда, а по краям стола, именно там, где лежали мои локти, древесина посерела и рассохлась, как старый гроб. Три

мухи, неосторожно севшие мне на плечо, уже валялись на столешнице вверх лапками, сухие, как осенние листья.

– Мухи не врут, – убежденно заявил мужик. – Они чувствуют. От тебя смертью веет, как от нашего погоста зимой. Только сильнее. Значит, ты в этих делах кумекаешь. Колдун ты. Или некро... как их там... мант.

Я вздохнул. Крыть было нечем. Разговор с подчиненными так меня взбесил, что я потерял контроль над «Вуалью Обывателя» – заклинанием, скрывающим мою сущность. Аура смерти, которую я обычно держу в узде, начала фонтанировать, замораживая пиво и убивая насекомых.

– Некромант, – поправил я сухо, понизив голос. – И это звучит гордо. Обычно люди бегут с криками, когда понимают, кто я. А ты, я смотрю, смелый? Или просто глупый?

– Я отчаявшийся, – честно признался мужик. – Мельник третью неделю в запое, мука не молота, а призрак воеет так, что у меня куры не несутся. Мне хоть сам черт лысый в помощь, лишь бы тихо стало. Золото у мельника есть. Заплатит.

Я посмотрел на дохлых мух. Потом перевел взгляд на остальных посетителей таверны. К счастью, они были слишком заняты выпивкой и дракой в углу, чтобы заметить мое локальное похолодание. Нужно было срочно восстановить маскировку, пока сюда не заглянул какой-нибудь жрец или паладин.

Я сунул руку в карман, нащупал свой ограничительный амулет и с силой сжал его, вливая ману. Воздух вокруг меня дрогнул и потеплел. Ледяная корка на пиве растаяла. Ощущение могильного холода исчезло, спрятавшись глубоко под моей кожей. Теперь для всех я снова был просто мрачным стариком в капюшоне.

– Ты никому не скажешь, кто я, – мой голос прозвучал тихо, но так, что мужик судорожно икнул. – Для всех я – странствующий маг-пенсионер. Понял?

– Могила! – истоиво перекрестился мужик. – Клянусь печенью тещи!

– Призрак, говоришь? – я усмехнулся, уже в образе "простого мага". – Воеет? Это мы любим. Веди. Но оплата вперед. И не этим пойлом, а золотом.

Я встал. Тени вокруг меня вели себя смирно – маскировка снова работала идеально. Тайна моей личности висела на волоске ровно пять минут, пока я злился, но теперь джинн снова был в бутылке.

– Идем, – скомандовал я. – Покажешь мне своего шумного покойника.

Некромант Морвен выходил на тропу войны с сельской паранормальщиной.

Глава 5. Призрак с ОКР и демократия в огне

Мы вышли в прохладную ночь. Мой новый знакомый, представившийся Питом (он оказался местным скотником, а не просто пьяницей), семенил рядом, опасливо косясь на мой посох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.